

К ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ СПАРТАКА в древнем Риме

Проф. А. В. Мишулин

I

Исследование восстания Спартака началось, правда, еще в XIX в., но работы по Спартаку носили эпизодический характер и посвящались лишь отдельным вопросам истории этого восстания. Так, нам известно, что первый, кто серьезно поставил в науке вопрос об изучении восстания Спартака—Шамбах—не привлекал еще в достаточной полноте дошедших до нас—порой в весьма фрагментарном виде—известий древних писателей и многих из них авторство, вероятно, и не знал. Шамбах (Schambach Otf.—Der erste Selavenaufstand 74—71 v. Chr., Progr., Halberstadt, 1872) основное внимание уделил в своей небольшой работе вопросу об отправке в ссылку выступления Спартака, выдвигая при этом дату 74 г. до н. э. Эта работа, пожалуй, связи и представляет известный интерес данной работе, незаслуженно потом забытая наукой.

Занимавшийся потом Спартаком другой немецкий исследователь Мюнцер основное свое внимание уделял вопросу о первом, с римской стороны, командире, выступившем против Спартака (Münzer—Der erste Gegner des Spartacus. «Philologus», Bd. 55, 1897, S. 387). И в этой работе разбиралась одна, правда, интересная деталь из истории восстания Спартака, но исследование самой истории этого восстания автора не занимало. Даже в сводной позднейшей своей статье—«Spartacus». Realencyclor. Pauly—Wissowa—Kroll, 1929—Мюнцер не дал анализа истории выступления Спартака и его борьбы с Римом. В систематическом плане изложение борьбы рабов под руководством знаменитого фракийца дается в принадлежащей концу XIX в. работе Гартвига (Hartwig—Der Selavenkrieg des Spartacus. Progr. Weßlingen, 1894; эта работа была переиздана в 1919 г. в Берлине). Но эта брошюра очень кратка, популярна и чужда объективно-историческому исследованию. Поэтому неудивительно, что более обстоятельному изложению истории Спартака вплоть до последнего времени оставалась почти полтора столетия назад написанная монография Мейс-

снера (Meissner, A. G.—Spartacus, 1793. Berlin, Ed. II—1800), точно так же, как о сицилийских восстаниях до выхода книги К. Бюхера (Karl Bücher—Die Aufstände der unfreien Arbeiter 143—129 v. Chr., Frankfurt a. M. 1874) долгое время общему пособию являлась работа Скрофани (S. Scrofani—Der Sklavenkrieg in Sicilien, «Europäische Annalen», 1867, Bd. III; перевод работы по-французски: «Histoire de la guerre des esclaves en Sicile sous les Romains», traduit par J. Naudet, Paris, 1807). Отдельные работы о Спартаке или касавшиеся истории Спартака в той или иной связи (как, например, Rathke—De romanorum bellis servilibus. Diss. Berlin, 1904) не только не разрешают отдельных спорных вопросов, но даже и не всегда ставят их перед наукой, не проявляют интереса к собиранию источников о Спартаке и, главное, в историческом плане не вскрывают нам социальную значимость факта всеиталийского восстания рабов в общих условиях Римской республики 70—60-х годов до н. э.

Скромная попытка поставить интересующие нас вопросы спартаковского восстания принадлежит автору настоящей заметки в его докладе, отпечатанном в «Известиях ГАИМК» № 76, 1934 г. (А. В. Мишулин—Восстание Спартака в древнем Риме). Однако тогда чувствовалось еще недостаточное ознакомление аудитории с материалами о Спартаке, и потому, к сожалению для докладчика, не удалось организовать обсуждение интересовавших его вопросов.

Следующим шагом в изучении поднятых вопросов явилась публикация более обстоятельной работы, хотя и написанной в популярном плане, но включавшей по возможности все известные нам источники по интересующему вопросу. Эта моя работа (см. «Спартаковский восстание», Соцэкиз, Москва, 1936) имела своим назначением не только популяризацию истории знаменитого восстания рабов, но и подготовку читателя к обсуждению вопросов, в правильности разрешения которых автор недостаточно был уверен.

В результате предварительного обсуждения данной работы выделялись и принимали остроту преимущественно чисто социологические, отвлеченные вопросы: кого было больше в восстании, рабы или свободных крестьян? Кого следует поставить на первое место в своей революционной целеустремленности, тех или других? И, наконец, почему потерпел поражение Спартак—потому ли, что непосредственно в борьбе были рабы, желавшие покинуть Италию, или потому, что свободные крестьяне, требовавшие разрешения выдвинутой ими проблемы аграрной революции, не уходили из Италии, оставались в пределах ее и не поддерживали Спартака?

Наиболее интересным вопросом для исследователя должно стать изучение тех конкретных исторических условий, которые определяли в спартаковском восстании как различие планов рабов и свободных пролетариев в борьбе с Римом, так и отсутствие тех форм смысловой совместной революционной борьбы по единому плану, что представляется возможным проследить лишь позднее, именно в конце Римской империи.

II

Придавая известное значение и этим общим вопросам, мы, однако, полагаем, что правильное их решение может быть осуществлено лишь при одновременном детальном научном изучении ряда отдельных, в многом еще не исследованных сторон спартаковского восстания. Поэтому, оставляя в стороне вообще вопросы, постановка которых в достаточной степени дана в вышеназванной работе, мы попытаемся в рамках настоящей статьи остановиться на некоторых специальных вопросах из истории восстания Спартака.

К числу этих вопросов мы намерены отнести следующие для настоящего рассуждения: 1) вопрос о происхождении Спартака, что остается в науке недостаточно выясненным; 2) вопрос о социальном составе армии Спартака в связи с не привлекавшимися до сих пор свидетельствами Аппиана в его «Mithridateios» (109, 15—20) и 3) вопрос о хронологии восстания и о некоторых археологических данных истории Спартака. По каждому из этих вопросов постараемся привести данные, еще не использованные для истории Спартака.

Что касается первого вопроса, то и в источниках, и в последующей историографии нет на этот счет окончательного и категорического ответа. Если в источниках всюду подчеркивается чужеземное, негреческое происхождение Спартака («Σπάρταχος Θράξ ἀνὴρ... App. I, 116, II; Thrace miles...—Flor., VIII, 20, 8; также Plut.—Crass., 8; Oros., VI, 23; Athen., VI, 272), то в новой историографии считали возможным утверждать, что он происходил из царского рода Спартакидов, пользовавшихся во Фракия и Пантикалее царскими почестями» (Мамзев, III, 69, русск. пер., Москва, 1887) или во всяком случае противостоял своей гениальностью «сбродной армии» рабов (Ферро — Величие и падение Рима, т. I, стр. 159, русск. пер. 1925 г.). Впрочем, некоторые, как, например, А. Вайлон, находят возможным говорить о нумидийском происхождении Спартака («Spartacus Thrace de nation, Numide de race»), не имея для этого какой-либо опоры в наших источниках (A. Wallon—Histoire de l'esclavage, v. II, p. 311).

Неясно также, как Спартак попал к римлянам. По Флору, Спартак был «солдатом из фракийских наемников»,—т. е. вероятно, в римской армии,—но потом дезертировал (Flor., VII, 20, 8—10). По Аппиану же, Спартак, наоборот, «воевал с римлянами, но потом попал к плен» (App.—Hist. Rom., I, 116, 10—15). Это противоречие в источниках не разрешается и другими указаниями источников, отмечавших несправедливость обращения Спартака в гладиаторы (Plut.—Crass. 8, Vargo—Frag. Haris). Очевидно, эти неясности несколько подрывали ту версию в источниках, согласно которой Спартак по происхождению являлся чужеземцем, и если признавалось фракийское его происхождение, то непременно с царской генеалогией рода Спартакидов из Фракии или из Пантикалеи.

У нас нет никакого основания отходить от того положения Плутарха, которое утверждает происхождение Спартака из помадов-фракийцев. Это положение может быть подкреплено некоторыми сооб-

ражениями о происхождении самого имени Спартака. Обычно это имя считалось мифологического происхождения и допускалось, что Спартак мог носить это имя в качестве клички, будучи уже рабом. О мифологичности этого имени действительно имеются некоторые основания судить, поскольку из греческой мифологии нам известно, что одним из сыновей Зевса и нимфы Гималии на Родосе был Спартайос (... ὅτε δὲ καὶ Ζεὺς λέγεται κατὰ πεπολεμηκῶς Τιτᾶνας, ἐραστῆρα μίᾳς τῶν νυμφῶν Ἰμαλίας ὀνομαζόμενης, καὶ τρεῖς ἐξ αὐτῆς τεκνῶσαι παῖδας, Σπαρταῖον, Κρόνιον, Κύτον. Diod. V, 55,5.—В самом деле. Зевс, говорят, победив титанов, влюбился в одну из нимф, по имени Ималия, и породил от нее трех сыновей—Спартэя, Крония и Кита).

Близость имен Спартайос и Спартак не нуждается в пояснении. Но эта близость имен дает нам очень мало, тем более, что невозможно было бы, с нашей точки зрения, вести происхождение имени Спартака от малопопулярного в Греции мифологического Спартэя из Родоса. Близость в двух именах скорее только семантического порядка, поскольку в основе этих имен лежит глагол σπαίρω (сею), что для имен дает значение «посеянный» или «произросший».

Гораздо ближе мы подойдем к разрешению вопроса о происхождении имени Спартака на основе другой греческой легенды о так наз. спартах, т. е. туземном племени в Беотии и, вероятно, севернее (во Фракии). Согласно этой легенде, Кадму в Беотии пришлось столкнуться с драконом, охранявшим источник воды в честь Арея. Кадм убил дракона и по совету богини Афины зубы этого дракона посеял. Из этих зубов выросли гиганты, хорошо вооруженные исполнены, которые и получили название спартоί, т. е. «посеянные». У Аполлодора даются имена этих спартов (A p o l., III, 431), указывающие на значение последних, как сынов земли. Сила этих спартов, по греческой мифологии, была столь велика, что Кадму пришлось выдержать упорную борьбу с ними. Несмотря на то, что род Кадма породнился со спартами («посеянными»), в конце концов спарты изгоняют Кадма и весь его род. В Беотии опять начинают господствовать туземные племена спартов (A p o l l., III, 5, 8). В этой греческой легенде стараются видеть неудачную попытку колонизации со стороны финикийцев областей Фракии и Беотии, где местные племена дадут отпор этой попытке. Как бы там ни было, для нас представляет большой интерес это сказание о народе «спартов», поскольку под этим мифом можно вскрыть и некоторые исторические корни. Мы можем вполне допустить, что какие-то первобытные племена под именем спартов действительно обитали на севере Греции. За это говорит не только основанный, согласно мифологии, выходцами с севера Греции город Спарта, но и некоторые данные самого севера Греции. Дело в том, что из сообщений Фукидида и Ксенофонта нам известен город Спартол (Σπάρτολος, Th u k., II, 70; X e n o p h.—Hell., V, 3,6) в Македонии, на полуострове Халкидики. Происхождение этого названия македонского города, несомненно, может быть связано с поселениями здесь в древнейшее время племена спартов. Но любопытнее всего то, что нам известно такое же название одного из поселений во Фракии, на родине Спартака. С т е ф а н

Византийский под именем *Σπάρταχος* указывает на город этого названия во Фракии. Причем трудно заподозрить сведения Стефана Византийского как позднего автора, потому что он при этом ссылается на соответствующие данные Эратосфена (*Gal. II*), под которым Обергуммер рекомендует подразумевать не знаменитого географа, а историка (*Realencycl. Pauly—Wissowa, V. VI, Sp. 388*). Весьма возможно, что в глубокой древности на малоизвестном севере Греции, во Фракии, действительно существовал такой город или поселение с названием *Σπάρταχος*. Но не только в глубокой древности такие названия, как Спартол или Спартакос, могли связываться с обитавшими там племенами спартов. Нам известно, что в исторические, не вызывавшие сомнений времена народы Беотии продолжали еще вести свою родословную от племен спартов. Любопытен с этой точки зрения тот факт, что после гибели Эпаминонда на могиле его была установлена мраморная доска с изображением дракона, указывавшего, по свидетельству Павсания, на происхождение Эпаминонда от дракона, от так наз. «спартов» (*Paus., VIII, 11, 8*).

Таким образом, не остается никакого сомнения в том, что происхождение имени вождя всеиталийского восстания рабов связано не с мифологией, а с этническим именем спартов. Версия Плутарха о том, что Спартак был выходцем из фракийских номадов, вполне реальна. Обитая на севере Греции, эти «спарты» или «рассеянные» номады делали набеги и на Северное Причерноморье; возможно даже, что династия Спартакидов в Пантикапее была связана с каким-нибудь захватом царского престола племенами этих спартов. Во всяком случае у нас есть данные для такого предположения.

С 80 г. и до самой середины 60-х гг. до н. э. с Римом вел упорную и долгую войну Митридат Понтийский. В сущности это была не только и не столько война, сколько широкое восстание различных племен, поднятых Митридатом против Рима. Известно, что до 70-х гг. до н. э. Митридат был господином положения на Балканском полуострове и поднял на свою сторону различные племена Греции, в том числе и фракийцев. Тогда возможно, что Спартак во главе фракийских племен был на стороне Митридата, был наемником в его войсках и воевал против Рима. При таком допущении ликвидируется вышеотмеченное противоречие в свидетельствах Аппиана и Флора. При нашей поправке к сообщению Флора версия Аппиана получает подтверждение: «Спартак воевал с римлянами, но потом попал в плен» (*Арр., I, 116, 10—15*).

Так разрешается первый вопрос о происхождении Спартака и о некоторых противоречиях в наших источниках. Перейдем к следующему вопросу.

III

В исторической литературе установился обычай считать, что восстание Спартака являлось чисто рабским по составу принимавших в нем участие. В своей работе нам уже приходилось опровергать эту точку зрения, незаслуженно распространившуюся среди широкого круга специалистов и читателей. Известные места из Аппиана, рассказывающего нам о присоединении к Спартаку *ἐλευθέρους ἐκ τῶν ἀγρῶν*

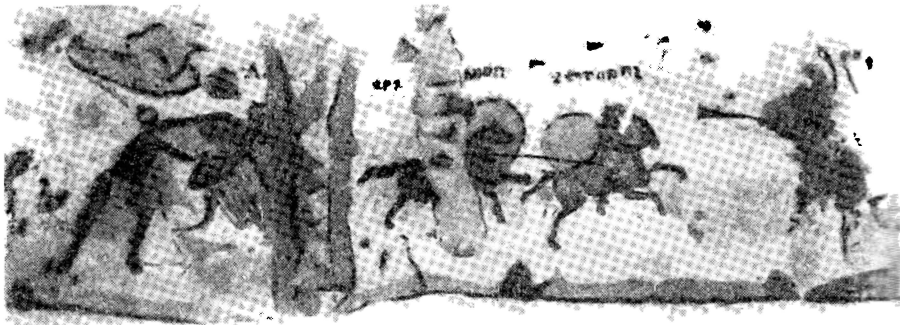

Рис. 1

«свободных крестьян с полей» (А р р., I, 116, 10), а также *συγγύδες* — «всех присоединившихся попутно» (А р р. I, 116) и *αὐτόμολοι* — «перевалочники» (А р р. I, 116), которыми могли быть только свободные и притом, главным образом, из римских крестьян; наконец, свидетельство позднего автора Фемистия (VII, 8 с, d) о присоединении к Спартаку толпы свободного народа из италийцев, желавших перемен существующего строя, — все это должно говорить о наличии в армии рабов и свободных мелких производителей, италийского крестьянства.

Установление этого факта имеет для нас двойное значение. Во-первых, это позволяет нам взять под сомнение античную традицию о том, что раскол в армии Спартака произошел на этнической основе на почве «национального» антагонизма между эллинами, с одной стороны, и германцами с кельтами — с другой. Во-вторых, установление вышеотмеченного факта позволяет нам поставить вопрос, не произошел ли раскол на почве различия планов борьбы: рабов, отстаивавших план выхода из Италии, и свободных италийцев, отстаивавших план борьбы с Римом в пределах Италии?

Что касается античной традиции, выраженной, главным образом, в свидетельствах Т. Ливия и Саллюстия, то она подрывается уже некоторыми неясностями в самих источниках. Интересно, что такой, например, автор, как Аппиан, вообще не говорит о разногласиях у Спартака; он ограничивается только указанием, что группа спартаковцев в 10 000 человек почему-то стояла отдельно от своих (А р р. I, 118, 25). А Плутарх, хотя и говорит кратко об отделении группы спартаковцев вследствие «своеволия и гордости», имея в виду здесь германцев и кельтов, тем не менее в другом месте ясно указывает на следование галлов (следовательно, и германцев, ибо и те и другие у римлян считались, как родственные народы) за Спартаком на север, с целью возврата на родину (Plut.—Crass., 9). Вряд ли в последнем случае мы имеем у Плутарха какую-то опisku или неточность, ибо о желании этих народов выйти из Италии вместе с греками говорит почти в тех же выражениях и Аппиан (А р р., I, 117, 15).

Следовательно, галлы и германцы, как свидетельствуют эти два наших основных источника, были у Спартака вместе с эллинами, и трудно говорить тут о какой-то «этнической расовой розни», которую со времен Моммзена утверждала буржуазная наука.

И если некоторая часть германцев и галлов действительно отделилась от Спартака и не пошла с остальными своими сородичами на родину, то это могло быть не потому, что у них были какие-то «национальные» или расовые соображения, а просто потому, что они хотели бороться с Римом совместно с теми, которые мыслили эту борьбу на италийской земле, ибо на ней они жили и за нее боролись.

Спрашивается, кто это могли быть такие? Несомненно, что это могли быть только италийцы, мелкие крестьяне, вольноотпущенники, рабы из италиков, а также здесь могли быть и те галлы с германцами, у которых на родине ничего не оставалось и которые успели обжиться в Италии. Для этих последних родиной могла стать всякая страна, где только удавалось получить землю и жизненные условия существования. За эту землю они с правом могли выступить плечом к плечу с италийским крестьянином и римским рабом.

Любопытнее всего то, что известные нам имена вождей, отделившихся от Спартака, также не могут подтверждать античную традицию о расколе спартаковской армии. Как выяснено в моей работе, только Гаиник—имя галльского происхождения. Что касается Крикса, то это осекское имя. А имя Каста, как это позволяет нам судить справка из Thesaurus Linguae Latinae (Supplem. Nomina propria, II, p. 251—252), является типичным италийским именем; оно было также в ходу в среде местного провинциального населения италийцев. Что под этим негерманским именем непременно скрывался германец и галл, следует еще доказать.

Для подтверждения того, что причина раскола в армии Спартака была не этнически-расовая, а социальная, мы приведем еще одно свидетельство Аппиана, которое обычно не привлекалось и которое не включено в состав опубликованных мною документов о Спартаке. Мы имеем в виду известное место в «Mithridateios», где говорится, что Митридат хотел поступить, как Гаинибал в свое время, т. е. заключить союз с галлами против Рима и заручиться поддержкой «многих» в Италии, отделившихся от римлян вследствие ненависти к ним. Далее даже говорится буквально, что Митридат знал «об отделении почти всей Италии от Рима во главе со Спартаком»: ἤδει δὲ καὶ ἑταίρος τῆν Ἰταλίαν συζῆδον ἄπασαν ἀπὸ Ῥωμαίων ἀποστάσαν ὑπὸ ἑρθεύς καὶ ἐπὶ πλείστον αὐτοῖς πεπολεμηκυῖαν Σπαρτάκῳ τε μονομάχῳ συντάξαν ἐπ' αὐτούς. ἀνδρὶ ἐπ' οὐδέμιᾳς ἀλιώστῳς ὄντι (A p p. —Mithr. 100, 15—20). (И он знал, что вот недавно почти вся Италия отделилась (отпала) от римлян вследствие ненависти к ним и была долгое время в войне с ними, восставши против них во главе с гладиатором Спартаком, человеком по положению без всякого значения).

Это место Аппиана достаточно убедительно говорит о том, что у Спартака были не одни рабы. Из контекста мы видим, что Митридат, по сообщению Аппиана, представлял себе восстание Спартака, как

отделение почти всей Италии от римлян (τὴν Ἰταλίαν σ/εδόν ἀπαζαν ἀπὸ Ῥωμαίων ἀποστᾶσαν...). Причем, это не одно только представление Митридата. Аппиан, передавая здесь Митридата без оговорок, очевидно, вполне согласен с этим выводом. Несколькими строками выше Аппиан даже сравнивает такое отделение «почти всей Италии» с тем, что было во времена Ганнибала. Ведь тогда «многие в самой Италии из ненависти к римлянам присоединились к нему», т. е. Ганнибалу (Арр.—Mithr., 109, 13). Как известно, на сторону Ганнибала переходили вовсе не рабы, а подчиненные Риму народы; именно зная о ненависти италийцев к Риму, Митридат решил пойти на поддержку Спартака, что в свое время отметил еще Валлон («Hist. de l'esclavage», v. II, прим. 7 к гл. VIII, 5). Это находится в полном соответствии с теми местами из «Гражд. войн» Аппиана, где говорится о переходе на сторону Спартака перебежчиков—солдат римской армии, свободных с полей и о всяких присоединявшихся.

Таким образом, документ, до сего времени еще не использованный, подтверждает нашу точку зрения, развитую в «Спартакосском востании». Это позволяет теперь более категорически ставить вопрос о социальной базе разногласий в армии Спартака в противоположность трактовке этнически-расового антагонизма в среде восставших. Перейдем к следующему вопросу.

IV

Одним из специальных вопросов истории Спартака является хронология восстания. В исторической науке бездоказательно фигурирует 73 г. до н. э., как отправная дата восстания. Между тем Евтропий дает нам 74 г. в противоположность Орозию, дающему 73 г.: в своей работе мы предпочли 74 г., как это еще доказывал Шамбак («Der italische Slavenaufstand 74—71 v. Chr.», 1872). Дело в том, что дата 73 г. противоречит данным Аппиана о посылке Красса против Спартака «на третий год войны» и свидетельству Евтропия, что «в исходе третьего года войне был положен конец».

Несколько помогает разобраться в этом вопросе показание Акрона в схолиях к Горацию. Поскольку этот источник по данному вопросу еще не привлекался, позволим себе привести его полностью: *Gladiator fuit Spartacus; hic cum septuaginta quattuor sociis similis conditione ludo fugiens dux factus per quattuor annos adversum Romanos bella plura instauravit. Idem nullam (se?) repositionem [eum] evadere potuisse commemoravit. Hunc postea Pompeius oppressit...* (Acronis et Porphyrii commentarii in Q. Horatium Flaccum. Vol. I. In camp. III, 14). (Спартак был гладиатором; вместе с 74 товарищами того же состояния он бежал из гладиаторской школы; он был их вождем и в течение четырех лет, сражаясь против римлян, произвел много опустошений. Поэтому (Гораций и) упоминает, что ничто (от него) нельзя было укрыть. Впоследствии его (Спартака) подавил Помпей...)

В этом свидетельстве интересно указание Акрона о четырех годах борьбы рабов против римлян. Откуда он мог взять эти данные? К...

Эми источниками мог вообще Акрон пользоваться? Как автор конца I в. н. э. Акрон, конечно, мог иметь и Т. Ливия, и Саллюстия. Одно обстоятельство заставляет нас полагать, что Т. Ливием и Саллюстием безусловно Акрон пользовался. Дело в том, что он говорит о 74 гладиаторах, поднявшихся вместе со Спартаксом. Эту цифру называют только Саллюстий и Т. Ливий, если не считать Орозия, который писал намного позднее Акрона (Орозий, впрочем, в основном использовал Ливия). Все другие авторы говорят или о 70 (Аппиан, Августин) или о 78 (Плутарх) или 64 (Веллей Патеркул) или даже о 30 (Флор) гладиаторах. Таким образом, сведения для комментирования Горация Акрон, повидимому, почерпнул из Саллюстия и Т. Ливия, т. е. из довольно надежных источников.

Но тогда спрашивается, о каких четырех годах войны сообщает нам этот автор? Этот вопрос возможно разрешить только при условии, если принять за начало восстания 74 г. до н. э., а за конец войны принять 70 г., когда по сообщению Цицерона (in Verr. II, 28—99) и Орозия (V, 23—24), несмотря на гибель Спартака, остатки его армии еще давали себя знать на юге Италии в последних больших столкновениях с римскими командирами.

Только в этом плане сообщение Акрона приобретает свой смысл и может быть приведено в соответствие с событиями из истории восстания Спартака.

V

Последний вопрос связан с исследованием археологических памятников о Спартаксе. Несомненно, что восстания рабов в древнем Риме не могли не оставить своего следа на памятниках материальной культуры. Различные надписи, монеты вождей восстания, следы их организаторской и военной работы, несомненно, не могли не остаться. Известно, что вождем первого сицилийского восстания рабов Эвн, принявший титул царя Антиоха, выпускал свои монеты (см. «The Cambridge Ancient History», vol. IX, p. 13).

Во время восстания Савмака на Боспоре чеканились монеты с надписью *basí [leus] Sau [maku]*, о чем говорят три дошедшие до нас монеты (см. акад. С. А. Жебелев—Первое революционное восстание на территории СССР в «Сообщ. ГАИМК» № 9—10, 1932, а также его «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре», «Известия ГАИМК», вып. 70, 1933).

В отношении Спартака мы имеем пока очень ограниченный материал в памятниках материальной культуры. В 1927 г. в «Notizie degli

Рис. 2

scavi» было опубликовано сообщение о находке в Помпеях фрески с изображением сцен битвы Спартака с римским командиром. С ответственную интерпретацию этой картины дал Л е м а н н - Г а р т л е б е н («Ein historisches Gemälde in Pompei», «Forschungen und Fortschritte», № 3, 1928). Иная интерпретация этой картины дана в моей статье «Последний поход Спартака и его гибель» («Проблемы истории докапиталистического общества», № 7—8, 1935, изд. ГАИМК) и в работе «Спартаковское восстание» (Соцэкгиз, 1936). Не возвращаясь к интерпретации этого археологического памятника о Спартаке, следует подчеркнуть особый его интерес. Плохая сохранность этого памятника (стерты надписи к изображенным сценам) оставляет открытым вопрос об исчерпывающей интерпретации этого памятника.

О Спартаке мы имеем еще один недостаточно выясненный памятник—монету, отчеканенную А. Лицинием, с изображением якобы М. Красса, поражающего поверженного на колени Спартака. Эта монета для широкого пользования была опубликована В е й с с е р о м, причем последний дал к ней надпись «Tod des Spartacus» (см. «Bilder-Atlas zur Weltgeschichte» von prof. L. W e i s s e r, Stuttgart, Taf. 11). Лицевую сторону этой монеты мы приводим здесь так, как она дана у Вейссера. Отсутствие под руками соответствующих нумизматических собраний Морелли не позволило нам детально ознакомиться с интересующей нас монетой и проверить Вейссера.

Что касается комментариев, то Вейссер говорит следующее об изображении на этой монете. Она отчеканена, как было выше указано А. Лицинием в память отважных подвигов его родственника Лициния Красса Divēs. Монета изображает знаменитую битву при Силаре (am Silarus, 71 v. Chr.). Спартак сражался, как лев. Покрытый ранами, он пал на колени и продолжал сражаться, пока не был умерщвлен ударами копий. Красс схватывает Спартака за его разлетающиеся волосы (W e i s s e r, S. 14).

На этом изображении, несомненно, многое остается непонятным, и комментарии Вейссера нас удовлетворить не могут. Например, неизвестно, какая связь между А. Лицинием, имя которого отчеканено на монете, и М. Лицинием Крассом. Неизвестно точно, что представляет собой надпись III vir. Вряд ли можно это считать за «триумвира Красса, как думает Вейссер; скорее это титул А. Лициния (III vir a.a.a.f.). Мог ли А. Лициний спустя много лет после события изобразить на монете сцену битвы со Спартаком?

При всем этом монета уже сейчас, когда еще окончательно на нее неясны вопросы ответить мы не можем, представляет для нас большой интерес.

При сопоставлении изображения Спартака на монете с тем, что дает в весьма смутных очертаниях помпейская живопись, можно уловить некоторое сходство в контурах головы. Большая голова Спартака на картине дает изображение разбросанных волос так, как это примерно выглядит и на монете в честь Красса. Дальнейшее изучение поможет более четко восстановить изображения как на картине так и на монете, и изучить в деталях эти два единственных археологических памятника древности, имеющих прямое отношение к истории Спартака.